

«Почему уходят в ИГИЛ?»: дискурс-анализ нарративов молодых дагестанцев*

Надежда Васильева

Стажер-исследователь Центра молодежных исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Адрес: ул. Седова, д. 55, корп. 2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 192148
E-mail: nvvasileva_2@edu.hse.ru

Алина Майборода

Стажер-исследователь Центра молодежных исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Адрес: ул. Седова, д. 55, корп. 2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 192148
E-mail: avmaiboroda@gmail.com

Искэндэр Ясавеев

Старший научный сотрудник Центра молодежных исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Адрес: ул. Седова, д. 55, корп. 2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 192148
E-mail: yasaveyev@gmail.com

В статье представлены результаты исследования, в фокусе которого — риторика участников молодежных сообществ в Дагестане в отношении тех, кто присоединился к ИГИЛ. Авторы реконструируют повседневный молодежный дискурс «ухода в ИГИЛ» в регионе, который часто упоминается в России в связи с действиями этой террористической организации, и сосредотачиваются на том, каким образом молодые дагестанцы проблематизируют «уход в ИГИЛ». Исследование проводилось на основе строгой версии конструкционистского подхода к социальным проблемам, исключающей предположения о наличии и величине «террористической угрозы». Терроризм рассматривался как одно из «условий-категорий», относительно которых разворачиваются дискурсы проблематизации и депроблематизации. Особенность представляемого исследования заключается в сосредоточении не на публичных, а на повседневных формах конструирования социальных проблем, в частности, высказываниях в ходе глубинных интервью. В соответствии с конструкционистской исследовательской программой Питера Ибарры и Джона Китсьюза, в дискурсе дагестанской молодежи были выявлены риторические идиомы, используемые в отношении «ухода» и «ушедших». В высказываниях молодых дагестанцев по поводу «ухода в ИГИЛ» отсутствовала драматичная риторика бедствия. Эпизодически молодые дагестанцы использовали

© Васильева Н. В., 2017

© Майборода А. В., 2017

© Ясавеев И. Г., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-54-74

* Статья подготовлена по материалам исследования, которое проводится за счет гранта Российского научного фонда (проект «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» № 15-18-00078) в Центре молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

1. ИГИЛ — «Исламское государство Ирака и Леванта», запрещенная в России террористическая организация.

риторику опасности, включающую в себя метафору «вируса», однако доминирующей была риторика неразумности. Слова, используемые участниками молодежных сообществ в отношении тех, кто «ушел в ИГИЛ»: «глупые», «слабые», «марионетки», «неопытные», «легко внушаемые» и прочее, соответствуют словарю этой риторической идиомы. Образ манипуляции, центральный для риторики неразумности, детализируется посредством конструирования образа «вербовщика». Одной из выявленных черт нарративов молодых дагестанцев на тему «ухода в ИГИЛ» было эпизодическое, отличающееся от предыдущих и последующих высказываний проговаривание темы в соответствии с официальным дискурсом предположительно для того, чтобы обезопасить себя от возможных подозрений в симпатии к ИГИЛ. Однако доминирующая в объяснениях «ухода» риторика неразумности указывает на отсутствие социальной дистанции между молодыми дагестанцами и теми, кто «ушел». Информанты выражали сожаление и сочувствие по отношению к родственникам «ушедших» и связывали «уход в ИГИЛ» с безработицей. Высказывания информантов предполагают необходимость развития социальной политики в Дагестане, возможностей образования и занятости, а не усиления репрессивных мер.

Ключевые слова: конструкционизм, социальные проблемы, терроризм, дискурс, молодежь, молодежная политика

ИГИЛ как угроза является в настоящее время одним из ключевых пунктов повестки дня российских спецслужб и медиа. Число сообщений об «Исламском государстве» на федеральных телеканалах за последние четыре года увеличилось в десятки раз. В фокусе информационных материалов оказываются террористические атаки в различных странах, операции сирийских и российских вооруженных сил на территории Сирии, спецоперации в отношении «главарей бандподполья, присягнувших на верность ИГИЛ» на территории России, обнаружение тайников с оружием. Репортажи представляют дискурс того, что в социологии социальных проблем называется контролируемой проблемой, — ситуации, которая, с одной стороны, является угрожающей, а с другой — находится под контролем (Becker, 1963: 157; Ясавеев, 2016). При этом сама проблема представляется как имеющая не только «общемировую» значимость, но и конкретную локализацию на территории России — на Северном Кавказе.

В потоке сообщений силовых ведомств и медиа можно выделить отдельное направление, посвященное «уходу в ИГИЛ» российских граждан, в частности жителей Дагестана. По данным МВД за 2015 год, среди приверженцев ИГИЛ насчитывалось около двух с половиной тысяч россиян, из которых 900 человек приехали из Дагестана (Интерфакс, 2015а, 2015б). В начале 2017 года Владимир Путин сообщил, ссылаясь на данные спецслужб, что на территории Сирии находятся до 4 тысяч боевиков из России (Путин, 2017). Сообщения российских медиа касаются особенностей личности тех, кто «ушел», причин, по которым они это сделали, а также методов, способствующих уменьшению потока «уходящих». В таких репортажах ключевыми фигурами являются политики, эксперты, представители силовых ведомств, а голоса самих жителей республики практически отсутствуют.

Академических работ, посвященных рассмотрению данной тематики, немного. Поскольку сторонники ИГИЛ являются труднодоступной для исследователей и журналистов группой, чаще всего анализу подвергаются данные, имеющие косвенное отношение к присоединению к ИГИЛ. Так, Зиберт, Винтерфельдт и Джон обратились к ресурсам (интервью с лидерами и т. д.), находящимся в открытом доступе, а также к мнениям экспертов. Авторы пришли к выводу о том, что сторонники ИГИЛ движимы тремя типами целей: удовлетворение потребностей, связанных с отношением к другим (совершить что-то, по их мнению, хорошее, помочь суннитам), удовлетворение религиозных потребностей (испытать духовное удовлетворение, сражаться за бога, способствовать утверждению «чистой и строгой» версии ислама) и удовлетворение персональных потребностей (улучшить материальное положение, показать/реализовать свою маскулинность, насладиться братскими отношениями, воевать против Запада и Израиля) (Siebert, von Winterfeldt, John, 2015).

Ахмет Ярлыкапов отмечает, что молодых мусульман на Северном Кавказе, присоединяющихся к «Исламскому государству», привлекают обещания социальной справедливости. «Коррупция, клановость, отсутствие социальных лифтов и перспектив толкают молодежь к поискам выхода в исламистской идеологии, в утопических проектах введения шариата для решения всех проблем общества, в котором она живет» (Ярлыкапов, 2016: 117).

Данная работа представляет собой попытку рассмотреть «уход в ИГИЛ» с иного ракурса. В фокусе статьи находятся не объективные причины присоединения жителей Дагестана к движению, а повседневное дискурсивное пространство, которое складывается вокруг ИГИЛ и его сторонников. Объектом исследования являются молодые дагестанцы. Предметом — дискурсы, посредством которых молодежь объясняет присоединение своих соотечественников к данной организации, проблематизирует или депроблематизирует такого рода «уход», выражает свое отношение к этому. Это позволяет, во-первых, описать настроения, существующие в молодежной среде, выявить наличие или отсутствие страхов и паники по поводу присоединения к международной террористической организации, во-вторых, понять, какие дискурсы/риторики в отношении «уходящих» преобладают среди молодежи, какие смыслы они производят.

Речь идет о серьезных социальных проблемах. Но что такое социальные проблемы? Существует два основных подхода к рассмотрению и анализу социальных проблем. В рамках первого утверждается, что они являются совокупностью объективных обстоятельств, представляющих собой угрозу для общества. Здесь исследователи обращаются к таким концептам, как «социальная патология», «социальная дезорганизация», «девиация», «дисфункция», «структурное противоречие» (см., например: Merton, Nisbet, 1971). Второй подход основан на идее о том, что «проблема» не имеет онтологического статуса, это языковая конструкция, риторика, содержащая требования изменений. Он развивается в рамках социального конструкционизма (Spector, Kitsuse, 1977; Holstein, Miller, 2003; Loseke, 2003;

Holstein, Gubrium, 2008; Полач, 2010). Здесь предметом особого интереса являются способы конституирования социальной проблемы через дискурс, или же, в терминах, предложенных Малькольмом Спектором и Джоном Китсьюзом, процессы «выдвижения требований» (claims-making). Главный фокус их внимания — «методы, используемые людьми для определения (и институционализации) чего-либо в качестве социальной проблемы, поскольку именно эти методы и составляют, в сущности, сам феномен социальных проблем» (Ибарра, Китсьюз, 2007: 55).

В анализе терроризма конструктористы тоже исходят из того, что объект их исследования — это социальный конструкт, который включает в себя множество образов и стереотипов, сформированных под воздействием различных агентов — бюрократических структур, научного сообщества, экспертов, массмедиа и самих террористов (Jenkins, 2003). Приверженцы строгой версии этого подхода Якоб Стамп и Прия Диксит в анализе конструкта терроризма требуют вообще отказаться от каких-либо отсылок к реальному явлению. Важно лишь то, каким образом социальные акторы используют категорию «терроризм», осмысливают ее и действуют на основе своей интерпретации. Стамп и Диксит полагают, что терроризм приобретает значение только в процессе артикуляции, когда он прямо или косвенно оказывает влияние на социальные практики, вовлекается в конструирование границ и идентичностей (Stump, Dixit, 2012). В результате внимание исследователей сосредоточивается на анализе языковых конструкций: метафор, предположений, форм знаний и грамматических форм, которые, в свою очередь, формируют дискурс. По мнению ученых, официальный дискурс является мощным политическим инструментом и проявлением власти, оказывающим огромное воздействие как на политические процессы, так и на повседневность людей (Jenkins, 2003; Jackson, 2005). Среди конструктористов сильна традиция анализа именно таких политических и медийных конструктов терроризма (Jenkins, 2003; Jackson, 2005; Hülse, Spencer, 2008; MacDonald, Hunter, 2013; Banke, Kalnæs, Holm, 2015; Johansen, 2016). Например, Ричард Джексон на основе анализа языка «борьбы с терроризмом», который используется государственными структурами США для описания и нормализации контртеррористической кампании, показал, как с помощью лингвистических средств создается новая реальность для американских граждан (Jackson, 2005).

Однако сама реальность за пределами медийного дискурса редко попадает в поле зрения ученых, в частности, очень немного исследований посвящено анализу повседневных интерпретаций терроризма. Одна из попыток такого рода — работа Класа Борелла, в которой описываются повседневные практики и представления людей, живущих на территории, подверженной террористическим атакам (Borell, 2008). На основе качественных данных автор анализирует то, как жители Бейрута воспринимают риск и справляются с ним. Борелл не опирается в своей работе на конструктористскую парадигму и не ставит перед собой цель проанализировать артикулируемые информантами конструкты. Тем не менее в его тексте присутствует описание повседневных интерпретаций «опасности» и «безопасности», а

также связанных с этими представлениями практик. Полученные данные позволяют проследить, как публичный дискурс трансформируется под воздействием личного опыта и изменяет повседневные практики.

Наша работа основывается на конструкционистской исследовательской программе Питера Ибарры и Джона Китсьюза (Ибарра, Китсьюз, 2007), ключевым моментом которой является упомянутое выше понятие «выдвижение требований». Для обозначения предмета требований, выдвигаемых индивидами, Ибарра и Китсьюз используют понятие «условия-категории», подчеркивая тем самым, что они «никогда не покидают область языка» (Ибарра, Китсьюз, 2007: 64). Условия-категории — это языковые конструкты, результаты типизации социально определяемых активностей и процессов: «дискриминация людей, живущих с ВИЧ», «жестокое обращение с детьми», «насилие в армии», «терроризм» и т. д. Риторические идиомы представляют собой способы, с помощью которых условия-категории проблематизируются. Ибарра и Китсьюз описывают такие риторические идиомы, как риторика утраты, риторика наделяния правом, риторика опасности, риторика неразумности и риторика бедствия (Ибарра, Китсьюз, 2007: 72–84). Контрриторика, напротив, включает в себя дискурсивные стратегии противодействия определению «условия-категории» как проблемы, то есть стратегии депроблематизации (Ибарра, Китсьюз, 2007: 84–93). Конструкционисты указывают: «Процесс социальной проблемы — это своего рода игра, ходы в которой всегда подвержены интерпретации и переинтерпретации, цели и стратегии которой являются предметом полемики и пересмотра, игроки постоянно меняются, среда различна, а номинальные темы так же разнообразны, как и система классификации общества, обеспечивающая участников типизациями явлений, которые могут стать объектами восприятия и, следовательно, недовольства» (Ибарра, Китсьюз, 2007: 66).

В последние годы в рамках конструкционистского подхода совершается поворот к повседневной сфере. Как отмечают Ибарра и Китсьюз, «дискурс социальных проблем встречается во всех видах форумов и среди самого широкого круга лиц» (Ибарра, Китсьюз, 2007: 106). Исследователей все больше интересует непубличное выдвижение требований — в рамках разговоров, споров, интервью. Если в прошлом конструкционисты сосредоточивались главным образом на активности в рамках публичных арен (Хилгартнер, Боск, 2007; Maratea, 2008), то в настоящее время вслед за Лесли Миллер (Miller, 2003) их внимание все чаще фокусируется на повседневной коммуникации. С этой точки зрения социальные проблемы конструируются не только тогда, когда требования изменить ситуацию (условие-категорию) выдвигаются в форме пикета, митинга, шествия, пресс-конференции, статьи, телепередачи, поста в блогосфере или социальных сетях, стрит-арта и пр., но и в повседневных разговорах. Таким образом, конструкционисты пересматривают и проблематизируют вопрос «что есть требование?» и пытаются анализировать конструирование социальных проблем, которое является «менее заметным, различным образом замаскированным — например, вследствие использования субкультурного стиля, — но не менее вовлеченным в выражение своей позиции

по отношению к моральному порядку или комментированию позиций других» (Ibarra, Adorjan, 2017). Мы исходим из того, что исследовательские интервью также являются формой конструирования социальных проблем. Разговор с интервьюером включает в себя риторику и контрриторику, выдвижение требований и их нейтрализацию, но не в публичном пространстве, а в повседневном.

Поскольку строгий конструкционистский подход сосредоточивается исключительно на дискурсе социальных проблем, оставляя за рамками вопросы о существовании «оснований» для выдвижения требований, мы в рамках данной работы не касаемся явления «Исламское государство» как феномена самой социальной реальности, как «угрозы». Мы не оцениваем его серьезность и масштаб. Наша цель — реконструировать повседневный дискурс «ухода в ИГИЛ» среди молодежи в регионе, который в России оказался одним из наиболее часто упоминаемых, когда речь идет об этой организации.

Эмпирическая база и методология исследования

Статья основана на материалах проекта «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов». Проект осуществлялся в 2015–2016 гг. в четырех городах: Санкт-Петербурге, Ульяновске, Казани и Махачкале. В каждом городе проводились количественный и качественный этапы исследования. Количественная часть включала в себя опрос студентов средних учебных заведений и вузов (800 анкет в каждом городе). В рамках качественного этапа исследования были взяты глубинные интервью с участниками молодежных сообществ.

В данной работе использовались материалы качественного этапа исследования в Махачкале. Эмпирическая база — 49 глубинных интервью длительностью от одного до трех часов с молодыми дагестанцами (от 17 до 27 лет). Интервью были проведены с представителями основных молодежных сообществ, которые мы не называем из соображений анонимности. С одной стороны, такая выборка помогла представить молодежь, включенную в различные культурные сцены города, с другой стороны, за пределами качественного этапа исследования осталась молодежь, не участвующая ни в одном из изучаемых сообществ.

Поиск информантов осуществлялся по двум траекториям: целевой поиск через сообщества в социальных сетях, а также поиск методом «снежного кома». Первая траектория отбора проходила через социальную сеть «ВКонтакте». Базовыми «платформами» поиска являлись крупные региональные группы Дагестана и группы различных сообществ города. Во время интервью информантов спрашивали о том, какие молодежные сообщества они знают и кого могут посоветовать для участия в исследовании. Таким образом, выстраивалась вторая траектория поиска.

Гайд интервью включал в себя несколько смысловых блоков, посвященных биографии, сообществу и отдельным практикам информанта. Вопросы об ИГИЛ были включены в блок об особенностях дагестанской молодежи, а также трудно-

стях, с которыми она сталкивается. Ряд информантов самостоятельно затрагивал тему ИГИЛ в своих нарративах, остальным интервьюеры задавали прямые вопросы о данной организации и тех, кто присоединился к ней. Следует отметить, что интервьюеры иногда формулировали свои вопросы в проблематизирующем ключе, что задавало определенные дискурсивные рамки для информантов и, возможно, определяло логику их ответов. Кроме того, интервьюеры, приехавшие из Санкт-Петербурга, выступали, с одной стороны, в роли гостей, а с другой — в роли чужаков, других. Поэтому следует учитывать, что нарративы информантов представляют собой репрезентации своего города, региона и самих себя.

«Такое есть на самом деле...»: артикуляция близости ИГИЛ в повседневности

Присутствие условия-категории «уход в ИГИЛ» в повседневности молодых дагестанцев можно проследить через артикулируемую степень близости данной проблемы информантам и через ее пространственную и временную локализацию. В своих повествованиях информанты часто рассуждают о феномене «ухода в ИГИЛ», отмечая наличие или отсутствие у них собственного опыта (или опыта друзей, знакомых) столкновения с ним. Пережитый опыт способствует тому, что для информантов ИГИЛ из абстрактного понятия превращается в реальный факт. Акцент делается на ощущении близости данной ситуации и своей сопричастности.

Я давно занимался вот этим спортом... со школы начинал, и семьдесят процентов, с кем я начинал, уже нет в живых, они ушли на эту сторону и все погибли... Спортсменов всегда вербуют в первую очередь, как и в девяностые было, сейчас в принципе так же. (М., 24_1)

ИГИЛ зачастую выступает как некая объяснительная схема, с помощью которой интерпретируются «сомнительные» ситуации. В частности, как опыт вербовки расцениваются разговоры с незнакомцами на религиозные темы, любые подозрительные просьбы и расспросы. За счет этого артикуляция феномена «ухода в ИГИЛ» расширяется.

Я Вам больше скажу. Ко мне подходили, меня тянули в такие круги. Да, было такое, что подходили: «Ты молишься, и я молюсь». И начали толковать свои понятия. (М., 21_1)

Одним из измерений конструируемой близости/удаленности ИГИЛ становится ее пространственная локализация. В нарративах информантов можно выделить два варианта говорения об ИГИЛ, тесно переплетающихся друг с другом: как о боевых действиях, терактах, которые происходят в Сирии и других странах, и как о ситуации, которая существует в Дагестане. При этом в одних случаях респонден-

ты используют выражения «уйти в ИГИЛ» и «уйти в лес» как синонимичные, а в других противопоставляют эти виды «ухода» («либо в лес, либо туда»).

Такое есть на самом деле. С сел, с городов просто вербуют. Ну это те, я считаю, что это те парни, которые не нашли себя. То есть если бы ты был бы увлечен чем-то серьезно, то тебя бы этот ИГИЛ вообще не беспокоил. Я об этом ИГИЛе не думаю. Единственное, да, обидно, они разрушили Пальмиру, это историческое, это исторический просто город-музей. Как они, о чем эти люди думали? (Ж., 22_1)

Даже вот мой колледж взять — один мальчик ушел в лес, другая девочка уехала в ИГИЛ выходить замуж за пятидесятилетнего третьей женой. (Ж., 21_1)

Временная локализация представляет собой еще одно измерение близости артикулируемой ситуации. Высказывалось мнение, что «пик» ухода в ИГИЛ уже в прошлом:

Пик, наверное, все-таки не сейчас. Пик этой утечки в Сирию — был, ну, года два назад, когда многие уходили. Очень сильно была разработана эта тема — экстремизма, радикального ислама и прочего. Тогда был пик. Сейчас я давно не слышал, года два точно, что кто-то уехал туда. (М., 24_3)

Однако страхи сохраняются:

Сейчас тихо все, спокойно, но ты боишься именно вот этой внутренней опасности, эти же ваххабисты, эти же террористы, ты не знаешь, что ожидать... Ты просто не знаешь, чего ждать дальше... Это как затишье перед бурей, мне кажется. Я хоть и оптимист, но в данном случае немножко пессимистически отношусь. (Ж., 22_1)

Вместе с тем обращает на себя внимание подчеркиваемая респондентами неоднозначность категории «терроризм» и неуместность ее использования в некоторых случаях. Респонденты говорят временами не о терроризме, а о конфликтах, имеющих экономические основания.

Однажды у нас вообще череда каких-то взрывов была. На Дахадаева, например, это в той стороне, взорвали, там было несколько магазинов коньячных, взорвали коньячные магазины. Потом чуть дальше взорвали коньячный магазин. Череда коньячных магазинов. Взрывали игровые клубы. (Ж., 22_1)

Даже вот что по новостям говорили, пост взорвали — это не теракт, далеко не теракт. Просто пост не работал 10–15 лет, а потом его открыли, и пошли разногласия. Просто этот пост очень хорошие деньги приносил. Просто столько в день машин по федеральной трассе. (М., 24_2)

«Уход в ИГИЛ»: дискурсивные способы проблематизации

Для большинства информантов уход соотечественников в ИГИЛ понимается как проблема. В такой перспективе можно выделить несколько способов проблематизации присоединения к террористической организации.

Риторика опасности

Молодые дагестанцы в интервью не использовали риторику бедствия, которая актуализирует образ катастрофы. Вместе с тем в ряде случаев респонденты обращались к элементам сходной, но менее драматичной риторики опасности. В соответствии с риторикой опасности условия-категории проблематичны потому, что создают неприемлемые риски чьему-либо здоровью и безопасности (Ибарра, Китсьюз, 2007: 78). Словарь риторики опасности включает в себя термины «патология», «болезнь», «эпидемия», «риск», «заражение», «угроза здоровью».

Примерно в этой логике ИГИЛ описывается некоторыми респондентами как «болезнь», «сообщества больных людей». Алармистская риторика говорения об ИГИЛ артикулируется через метафору «вируса»:

Клетка делится на два как бы, две клетки еще на две делятся и так далее. То есть эти люди как бы заражены этой, этим вирусом, и они начинают заражать других людей. (М., 23_1)

Вряд ли он вернется, вроде им обратного пути нет... Их обратно не принимают, чтобы они дальше не заражали этим вирусом. (Ж., 21_1)

Вместе с тем случаи использования таких метафор редки. Малое распространение риторики этого типа при ответах на вопросы интервьюеров не означает, что респонденты не определяют ситуацию вокруг ИГИЛ как опасность. Напротив, реакция целого ряда респондентов на вопросы об ИГИЛ (используемые тактики уклонения от вопросов, отказ отвечать на них, перевод разговора в отвлеченное, абстрактное обсуждение ситуации, переход в позицию «стороннего наблюдателя») может свидетельствовать о том, что респонденты даже разговор на тему ИГИЛ воспринимают как опасность и риск, но не всегда проговаривают это.

Мы всегда сторонимся таких тем, если даже кто-то в шутку. Я не люблю такие темы. Как все начинается, всегда все с шутки начинается, с чего-то незначительного. (М., 18_1)

Знаешь, очень тяжелый вопрос, о котором, который я даже не хотел бы обсуждать. То есть мы все прекрасно знаем, народ знает, как это делается, кому это выгодно там. Там, там очень много есть подводных камней в этом деле, и не все так, как нам это предоставляют. То есть самые такие глупые люди,

конечно, ведутся на все это. Ну, мы знаем, как это все делается, кто хорош, кто плох там. Народ для себя знает. (М., 25_1)

Уклонение от разговора на темы ИГИЛ, возможно, связано с отмечаемой информантами обстановкой в Махачкале и Дагестане. По их словам, в учебных заведениях часто проводятся «профилактические мероприятия», лекции и конференции на темы терроризма и экстремизма, а также осуществляется постоянный контроль за возможными проявлениями радикальных настроений. В этой связи рассуждения об ИГИЛ и «ушедших» молодые дагестанцы могли расценивать как риск вызвать интерес у силовых ведомств или подвергнуть пристальному вниманию спецслужб своих знакомых:

ИГИЛ, да, ну уходят, конечно, люди и в лес, да. Но я с этим не сталкиваюсь, даже никто ни из знакомых, ни их знакомые. Но такое действительно есть, конечно. (Ж., 18_1)

У меня не было знакомых, но вот я знаю, что есть такие случаи. А знакомых у меня нет, не было. (Ж., 19_1)

Подальше от такого человека стараешься держаться, потому что рано или поздно все равно он туда уйдет, либо все равно проблемы какие-то будут у тебя. Поэтому есть даже ребята, которые просто подвезли, они даже не так хорошо, близко дружили с ним, знакомые есть, которые просто кто-то кого-то по знакомству, подвез кого-то куда-то, после этого он ушел, короче, либо в лес, либо туда. После этого у них проблемы были, судебные разбирательства и так далее. (М., 27_1)

Другой тактикой обеспечения своей безопасности могут быть подчеркнута негативные категорические высказывания о тех, кто «ушел»:

Те, которые поехали, я считаю, что они... никогда не уважали своих родителей. Это те люди, которые предали свои семьи, свою республику, свою родину. Это те люди, у которых нет своего мнения и которые поддались чужому мнению. Так сказать, нелюди просто. Все, я по-другому не могу о них отзываться. Это позор нашей республики! (М., 21_1)

Нельзя исключать, что высказывания с использованием таких конструкций, как: «предали свои семьи, свою республику, свою родину», «позор республики», «нелюди» — это преднамеренное следование официальному дискурсу, практика проговаривания ситуации так, «как надо», чтобы обезопасить себя, отвести какие-либо подозрения в симпатии к сторонникам ИГИЛ в связи с активными действиями спецслужб. Слово «нелюди» широко используется властями Дагестана, начиная с главы республики, и официальными медиа в контексте терроризма. Между тем один и тот же респондент может воспроизводить жесткий официальный дис-

курс и совершенно в другом ключе рассказывать о своем друге, который увлекся идеями ИГИЛ и готовился к отъезду («он уже поменял свои сим-карты»), но в последний момент остался из-за мыслей о родителях.

Практики говорения об ИГИЛ «как надо» и отказ разговаривать на эту тему могут свидетельствовать об ощущаемой респондентами опасности как со стороны ИГИЛ, так и со стороны силовых ведомств. Следование официальному дискурсу — это некий «правильный взгляд», который сигнализирует, что данный человек «свой», он не опасен. Артикуляция другой точки зрения может привести к трудностям в повседневной коммуникации, поскольку, как отмечалось ранее, любые неоднозначные ситуации и разговоры могут расцениваться как попытки вербовки или столкновения со сторонниками ИГИЛ.

Респонденты указывают, что страхи, связанные с ИГИЛ (в том числе опасения привлечь внимание силовых ведомств), изменяют повседневные практики, в частности практики ношения хиджаба и бороды:

Если раньше родители спокойно могли разрешить, хоть в хиджабе, хоть в чем, хоть в никабе ходи, то сейчас и меньше года назад с этим было сложно, боялись все... Что вот типа тебя завербуют... Ты ваххабистом станешь там, уйдешь чуть ли не в леса. Потому что, честно, это было обоснованно, потому что так же и уходили девчонки по глупости, да. (Ж., 19_2)

Моя подруга сталкивалась с этим. Она одно время ходила в хиджабе, но потом она сняла его. Вот так вот, после этого у нас некоторые боятся носить хиджаб. На самом деле это очень-очень страшно, особенно в черном. Нас даже вот так вот избегают, даже мы сами избегаем таких людей. Мы не знаем, чего от них ожидать. (Ж., 22_1)

У нас всех, кто, как я, даже не побрился, проверяют уже. Какой-то косяк есть, ты уже в отделении оказываешься. (М., 21_2)

Сами силовые ведомства представляют собой в интервью своеобразные «зоны молчания». Информанты не называют их, не конкретизируют, даже в тех случаях, когда описывают их действия: «За мной бежит мужчина, военный, такой: «Девушка, вы куда идете?! Вы не видите, там стреляют?!» А там такой человек с базуккой стоит, собирается стрелять» (Ж., 20_1). Ни в одном интервью не были упомянуты ни ФСБ, ни центры по противодействию экстремизму МВД, за исключением высказывания: «Благодаря ФСБ, Президенту России, МВД удалось пресечь эту деятельность, но не полностью» (М., 21_3). В тех редких случаях, когда информанты упоминали силовые ведомства, они использовали обозначения «спецслужбы» и «правоохранительные органы».

Риторика неразумности

Анализ интервью с молодыми дагестанцами позволяет утверждать, что доминирующим способом проблематизации «ухода в ИГИЛ» является риторика неразумности. Применение этой риторической идиомы, отмечают Ибарра и Китсьюз, зависит от возможности описать условие-категорию в терминах, высвечивающих обеспокоенность по поводу эксплуатации, манипулирования, «промыывания мозгов». «Призраки сообщений, действующих на подсознание, заговоров, скрытых сил и гипнотизирующего воздействия рекламы — таковы распространенные образы, актуализируемые лексиконом данной риторики» (Ибарра, Китсьюз, 2007: 80). Определенные категории людей обозначаются в рамках риторики неразумности как «доверчивые», «наивные», «невинные», «необразованные», «несведущие», «доведенные до отчаяния», «легкая добыча» (Ибарра, Китсьюз, 2007: 81).

Именно этот словарь, предполагающий уязвимость людей перед манипулированием, используется в целом ряде интервью для описания тех, кто ушел в ИГИЛ: «легко внушаемые», «ведомые», «слабые», «глупые марионетки», «не подготовлены к войне», «без мозгов», «неопытные», «не думают о последствиях», «очень слабые характером люди», «несформированный ум», «из таких семей, где тебя подавляют, тебя унижают», «неудачники», «не нашли себя», «легко зомбировать», «нет образования».

Что там нехорошо, как им говорят, то есть они едут все за какой-то сказкой, за чем-то, а, естественно, это все и гипноз, это все внушение какое-то. Потому что у нас большинство ребят, они легко внушаемы. И они ведутся, они ведомые. Я не знаю, почему так происходит. (Ж., 24_1)

Это глупые, ну глупые ребята, которым внушили это... в основном молодые ребята, которые не хотят работать... Им предлагают хорошие деньги, плюс они хотят почувствовать себя сильными, но эти ребята никогда не будут нормальными, если их легко зомбировать в одну, то и в другую сторону. (М., 25_1)

Элементом риторики неразумности является описание действий «вербовщиков» — тех, кто, по мнению информантов, оказывает непосредственное влияние на «слабых» или «глупых» и убеждает их присоединиться к ИГИЛ.

И вот эти, этих молодых людей, этих девушек всех их, за ними стоял какой-то такой человек, вот я считаю, да, который сильнее всех, умнее всех, а эти глупые марионетки, которые ради денег или ради славы, я не знаю, ради идеи навязанной, ну погибли. (Ж., 19_2)

В нарративах такие образы присутствуют в нескольких контекстах: информанты описывают вербовщиков с точки зрения их навыков, используемых методов, способов коммуникации, а также внешних атрибутов. Доминирующим среди про-

чих является образ вербовщика как хорошего психолога, который «умеет разговаривать», владеет навыками нейролингвистического программирования и «зомбирования»:

Допустим, девчонка вот, когда они ничем не занимаются, девушка, у нее нет никаких увлечений, она не усердна в школе, да, в занятиях, у нее куча свободного времени. Она тратит его в социальных сетях, там она может познакомиться с каким-нибудь НЛПишным, я не знаю, мастером, который ее на самом деле так завербует, что она от всего откажется... Эти девчонки, они в основном были вот из такой категории, таких слабых каких-то, или же из таких семей, где тебя подавляют, тебя унижают. А тут бац, ангел появляется, который тебя понимает, во всем поддерживает. (Ж., 19_2)

Следует отметить противоречие, связанное, с одной стороны, с использованием информантами риторики неразумности по отношению к «ушедшим», а с другой — с описанием образа вербовщика как «мастера», того, перед кем не может устоять никто. Возможно, через такую объяснительную схему молодые дагестанцы пытаются рационализировать уход в ИГИЛ своих знакомых, друзей, по их мнению, неглупых, увлеченных.

Есть ребята, я лично знаю, моя подруга, ее родственник ушел, вроде хороший парень, спортсмен, не пил, не курил, в мечеть ходил, наоборот, это как-то все... вроде такой набор, который гарантирует то, что все хорошо будет. Но, к сожалению, там... была мечеть, в которой он [«вербовщик»] именно вербовал этих всех ребят, он им говорил не то, что «вы должны понимать, что нельзя убивать людей», он говорил: «Да, но вот у тех-то и у тех-то вы можете забирать жизнь. Вам, наоборот, будет хорошо убрать...» К сожалению, именно те, некоторые ребята, они ушли. (Ж., 20_1)

Ощущение незащищенности, уязвимости возникает у самих респондентов, не исключающих, что и они могут быть завербованы:

Они даже меня могут завербовать, но я, я знаю, чего, как они это делают, то есть, например, для девушек это, они их подкупают фактически. Некоторых людей берут на деньги, например, знакомятся, узнают через кого-то, что у него сложная ситуация с деньгами, они говорят: «Мы тебе дадим деньги, и ты, типа, должен сделать нам что-то взамен». И вот так вот они забирают. Одно время было очень актуально, вот так вот к тебе подходила девушка в хиджабе: «Слушай, ты бы не мог тут один пакет передать? Отвезти туда-то, типа, я не могу». И потом, в этом пакете могло быть что-то очень опасное или законом запрещенное. А потом: «Вот ты это сделал, теперь мы можем тебя как соучастника. Ты, типа, теперь должна с нами работать». (Ж., 22_1)

«Девушка в хиджабе» или человек в мечети, о которых говорят информанты, иллюстрируют еще один образ мастера вербовки как человека, так или иначе свя-

занного с религией. Следует отметить, что в рамках интервью молодые люди разделяли «ислам» на «правильный» и «неправильный» — тот, который артикулируется приверженцами ИГИЛ.

Информантами описываются и используемые «вербовщиками» ресурсы коммуникации. Так, основными каналами вербовки признаются социальные сети, скайп, через которые, по мнению информантов, общаются как «вербовщики» внутри республики, так и те, кто располагается за пределами Дагестана и России:

У меня даже знакомая была, моя соседка, она замуж вышла. И она не знала, что муж там... По скайпу там с кем-то на английском говорил. Она английский не понимает. С кем-то разговаривал. И просто в Турцию поедут, что-то сказал ей. И он, видимо, поехал в Сирию, и потом она узнала, ей на e-мэйл написали, что он умер. Она даже не знала. Она думала, он просто поехал. (Ж., 20_2)

Респонденты отмечают возможную деятельность вербовщиков не только в социальных сетях, но и в городском пространстве. Отдельно проговариваются публичные пространства, маркируемые как «опасные» с точки зрения возможной вербовки:

Какая-то была салафитская мечеть вот и говорили, что лучше в том районе не ходить особо. (Ж., 17_1)

Обыденное знание о «подозрительных» местах в городе дает основание для неформального социального контроля информантов за друзьями и знакомыми — теми, кто начинает посещать подобные места:

Была мечеть, которая в основном, как говорят, ваххабисты собирались... Сейчас ее закрыли. Естественно, ребята между собой общаются, знают, кто в какую мечеть пошел, когда пошел. Естественно, ребята сами с этими ребятами разговаривали, объясняли как бы. (Ж., 24_1)

В рамках риторики неразумности те, кто «ушел в ИГИЛ», представляются не врагами, чужаками, предателями, а оступившимися, совершившими ошибку. Эти люди близки, их знают, знают их семьи и говорят о них в большинстве случаев с сожалением и сочувствием к родственникам.

Обидно, конечно, ребят жалко. Наверное, все поняли там уже, когда оказались в ИГИЛ. (М., 24_3)

И вот он когда ушел, его мама вся убитая, буквально, ходит, потому что она знает, что он в ИГИЛе где-то, то ли он взорвется где-то, то ли он уже мертв, то ли что с ним. (Ж., 20_1)

В Сирию, что ли... уехал на войну. И у родителей траур, вся семья горюет, потому что это так неожиданно произошло, он очень конспирировался, видимо. (Ж., 21_1)

В целом ряде интервью «уход в ИГИЛ» связывается с отсутствием работы.

Из-за того, что у кого-то из них там нет места, где они могли бы получить достойную зарплату, они ведутся на то, что им там обещают... У нас многие ребята по глупости своей уходят туда. (Ж., 22_2)

Безработица. Прокормить семью — первая задача. И когда у тебя стоит выбор, чего скрывать, вопрос денег. Я когда услышал, так смешно стало, чтоб поехать в армию, нужно заплатить денег. Seriously говорю! Во всей России дают деньги, чтоб в армию не идти, а у нас — чтоб пойти, чтоб дали военный билет, чтоб куда-то на работу устроиться. Вот и все, безработица, особенно когда у человека есть ребенок, жена, ему говорят — иди воевать, и все. Возможно, ты умрешь, это от тебя зависит, но твоя семья будет в достатке. Мужчина с характером — согласится. Он пойдет зарабатывать... Да, работа. В любом случае ты пойдешь воровать либо что-то делать. Нет гарантии, что приедешь оттуда. Но в другом варианте ты просто своруешь и сядешь, и семья ничего не останется. (М., 24_2)

Человек уезжает туда, думает обеспечивать семью, например, но они, конечно, не подготовлены к войне и умирают очень часто. (Ж., 20_2)

Рассуждая о безработице как о факторе, способствующем уходу в ИГИЛ, информанты указывают на противоречие, связанное с тем, что работодателям, как правило, требуются люди, имеющие опыт работы, а у молодых людей этого опыта нет, и получить его они не могут.

Многие мои друзья они не могут найти себе работу даже по своей специальности. То есть нужны люди с опытом, а откуда брать опыт, если тебя не берут? (Ж., 18_1)

Основная проблема здесь в том, что без связей довольно сложно работать. Здесь все пропихивают своих. В принципе, это нередкое явление, то есть из-за этого простым людям довольно сложно найти работу. (М., 19_1)

Таким образом, доминирующий контекст рассуждений молодых дагестанцев об «уходе в ИГИЛ» — это скорее контекст социальной политики, занятости и образования, необходимость которого предполагается риторикой неразумности, нежели контекст репрессивности.

Заключение

Наше исследование подтверждает возможность применения конструкционистского инструментария не только к публичным формам дискурса социальных проблем, но и к повседневной риторике, выявляемой в ходе исследовательских интервью.

Анализ повседневной конструкции «ухода в ИГИЛ» позволяет утверждать, что среди участников различных молодежных сообществ в Дагестане отсутствует паника по этому поводу, уходящие не демонизируются, не вызывают враждебность, не наделяются персональной ответственностью за существующее положение дел (для сравнения см.: Мейлахс, 2004).

В то же время «уход в ИГИЛ» является проблемой для молодых дагестанцев: это условие-категория проблематизируется в интервью. Случаев депроблематизации нами выявлено не было. Однако среди дискурсивных способов проблематизации доминируют не жесткие и драматичные риторики бедствия и опасности, а риторика неразумности. Терминология, используемая участниками молодежных сообществ в отношении тех, кто «ушел в ИГИЛ», — «легко внушаемые», «ведомые», «слабые», «марионетки», «неопытные», «несформированный ум» и пр. — соответствует именно этой риторической идиоме. Респонденты, как правило, через фигуру «вербовщика» воспроизводят центральный образ, актуализируемый риторикой неразумности, — образ манипуляции.

Доминирующая в объяснениях «ухода» риторика неразумности свидетельствует о том, что между молодыми дагестанцами и теми, кто «ушел в ИГИЛ», нет социальной дистанции. Напротив, часто выражается сожаление по поводу ухода и сочувствие по отношению к их родственникам. «Уход в ИГИЛ» рядом информантов связывается с безработицей и необходимостью обеспечивать семью.

Следует отметить, что наряду со случаями проговаривания ситуации с «уходом в ИГИЛ» в соответствии с официальным дискурсом — так, «как надо», предположительно из соображений безопасности — никто из информантов не использовал карательную риторику, не высказывался о необходимости суровых наказаний в отношении тех, кто предпринял попытку присоединиться к ИГИЛ. Своеобразной «зоной молчания» в интервью являлись спецслужбы. Результаты исследования указывают, что репрессивная антитеррористическая политика, затрагивающая широкий круг людей, может не пользоваться поддержкой молодых дагестанцев, участников различных молодежных сообществ, в интервью не проговаривалась ее необходимость. Напротив, значительная часть высказываний информантов соответствует идее «лучшей антитеррористической политикой является хорошая социальная политика», поскольку предполагает, что для противодействия терроризму следует в первую очередь развивать возможности образования и занятости.

К перспективам дальнейших исследований можно отнести изучение властного и медийного дискурсов «ухода в ИГИЛ», их сопоставление с повседневной риторикой как молодежи, так и родителей молодых людей и поиск ответов на вопросы

о том, каким образом и в каких контекстах воспроизводится властная риторика, как она переопределяется и какое дискурсивное сопротивление ей оказывается.

Выражение признательности

Авторы выражают признательность сотрудникам Центра молодежных исследований НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) — Елене Омельченко, Гюзель Сабировой, Святославу Полякову, Дмитрию Омельченко, Елене Онегиной, Юлии Андреевой, Эльвире Ариф, Альбине Гарифзяновой, Яне Крупец, Маргарите Кулевой, Наде Нартовой — за организацию проекта, проведение интервью, вопросы и предложения при обсуждении статьи, а также ведущему научному сотруднику Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН Дмитрию Громову за ценные замечания, которые были учтены в ходе работы над статьей.

Литература

- Ибарра П., Китсьюз Дж. (2007). Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанского ун-та. С. 55–114.
- Интерфакс. (2015а). Около 2,5 тыс. россиян воюют на стороне ИГИЛ. URL: <http://www.interfax-russia.ru/main.asp?id=662733> (дата доступа: 12.01.2017).
- Интерфакс. (2015б). Около 900 жителей Дагестана воюют в Сирии на стороне ИГИЛ — МВД. URL: <http://www.interfax-russia.ru/South/news.asp?id=681763&sec=1671> (дата доступа: 12.01.2017).
- Мейлахс П. А. (2004). Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 7. № 4. С. 135–151.
- Полач Д. (2010). Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Журнал исследований социальной политики. Т. 8. № 1. С. 7–12.
- Путин В. (2017). Встреча с военнослужащими Северного флота. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53940> (дата доступа: 24.04.2017).
- Хилгартнер С., Боск Ч. (2007). Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанского ун-та. С. 145–184.
- Ярлыкапов А. А. (2016). «Исламское государство» и Северный Кавказ в ближневосточной перспективе: вызовы и уроки для России // Международная аналитика. Вып. 3. С. 112–121.
- Ясавеев И. Г. (2016). Риторика контролируемого бедствия: специфика конструирования ФСКН проблемы потребления наркотиков // Журнал исследований социальной политики. Т. 14. № 1. С. 7–22.

- Banke I. G., Kalnæs T. K., Holm A. G.* (2015). *Fighting an Evil Defined by the UK: A Critical Analysis of the Securitization of ISIL in the Discourse of the British Political Elite*. PhD Thesis. Roskilde: Roskilde University.
- Becker H. S.* (1963). *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Glencoe: Free Press.
- Borell K.* (2008). *Terrorism and Everyday Life in Beirut 2005: Mental Reconstructions, Precautions and Normalization* // *Acta Sociologica*. Vol. 51. № 1. P. 55–70.
- Holstein J. A., Gubrium J. F.* (eds.). (2008). *Handbook of Constructionist Research*. New York: Guilford.
- Holstein J. A., Miller G.* (eds.). (2003). *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. Hawthorne: Aldine de Gruyter.
- Hülse R., Spencer A.* (2008). *The Metaphor of Terror: Terrorism Studies and the Constructivist Turn* // *Security Dialogue*. Vol. 39. № 6. P. 571–592.
- Ibarra P. R., Adorjan M.* (2017). *Social Constructionism* // *Trevino J.* (ed.). *The Cambridge Handbook on Social Problems*. Cambridge: Cambridge University Press (in print).
- Jackson R.* (2005). *Writing the War on Terrorism: Language, Politics and Counter-Terrorism*. Manchester: Manchester University Press.
- Jenkins P.* (2003). *Images of Terror: What We Can and Can't Know about Terrorism*. Hawthorne: Aldine de Gruyter.
- Johansen R. A.* (2016). *Hezbollah's War on Terror: An Analysis of Discourse and Social Relations in the Lebanese Shia Community during the Syrian Conflict*. Master Thesis. Oslo: University of Oslo.
- Loseke D. R.* (2003). *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives*. New Brunswick: Transaction.
- MacDonald M., Hunter D.* (2013). *Security, Population and Governmentality: UK Counter-Terrorism Discourse (2007–2011)* // *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*. Vol. 7. № 1. P. 123–140.
- Maratea R.* (2008). *The E-Rise and Fall of Social Problems: The Blogosphere as a Public Arena* // *Social Problems*. Vol. 55. № 1. P. 139–159.
- Merton R. K., Nisbet R.* (eds.). (1971). *Contemporary Social Problems*. New York: Harcourt, Brace and World.
- Miller L.* (2003). *Claims-Making from the Underside: Marginalization and Social Problems Analysis* // *Holstein J., Miller G.* (eds.). *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. New York: Aldine de Gruyter. P. 92–119.
- Siebert J., von Winterfeldt D., John R. S.* (2015). *Identifying and Structuring the Objectives of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) and Its Followers* // *Decision Analysis*. Vol. 13. № 1. P. 26–50.
- Spector M., Kitsuse J. I.* (1977). *Constructing Social Problems*. Menlo Park: Cummings.
- Stump J. L., Dixit P.* (2012). *Toward a Completely Constructivist Critical Terrorism Studies* // *International Relations*. Vol. 26. № 2. P. 199–217.

“Why Do They Go to ISIL?”: A Discourse Analysis of Young Dagestanians’ Narratives

Nadezhda Vasilieva

Research Fellow, Center for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics Saint Petersburg

Address: Sedova str., 55/2, Saint Petersburg, Russian Federation 192148

E-mail: nvvasileva_2@edu.hse.ru

Alina Maiboroda

Research Fellow, Center for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics Saint Petersburg

Address: Sedova str., 55/2, Saint Petersburg, Russian Federation 192148

E-mail: avmaiboroda@gmail.com

Iskender Yasaveev

Senior Research Fellow, Center for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics Saint Petersburg

Address: Sedova str., 55/2, Saint Petersburg, Russian Federation 192148

E-mail: yasaveev@gmail.com

The article presents the results of the study into the rhetoric of youth in Dagestan about those who joined ISIL. The authors reconstruct the everyday discourse of the “outgo to ISIL” among the youth in the region, presented by Russian authorities and media as one of the leading regions in terms of the number of ISIL followers. The research focus is not on the public forms of the constructing of social problems, but on the everyday talk, in particular, of the claims made in the course of in-depth interviews. The study is based on the constructionist research program developed by Peter Ibarra and John Kitsuse, and focuses on the identification of the discursive ways of problematization used by Dagestan youth in relation to “outgo to ISIL” and “outgoing” young people. The young Dagestanians occasionally use the rhetoric of endangerment, including the metaphor of a “virus”. However, the dominant rhetoric is the rhetoric of unreason. The terms used in the description of those who “went to ISIL” correspond to this idiom’s vocabulary. The image of manipulation which is central for the rhetoric of unreason is detailed by constructing the image of “recruiter”. One of the identified features of the talk of the “outgo to ISIL” was episodic, that is, different from the previous and subsequent phrases and utterances of young people in accordance with the official discourse, supposedly in order to protect themselves from a possible suspicion of sympathy for ISIL. However, the rhetoric of unreason indicates a lack of social distance between young Dagestanians and those who have “went”. Informants express regret and sympathy in relation to their families, and link the “outgo to ISIL” with unemployment. The informants’ utterances suggest the need for the development of social policy, education, and employment opportunities in Dagestan, rather than the strengthening of repressive measures.

Keywords: constructionism, social problems, terrorism, ISIL, discourse, youth, youth policy

References

- Banke I. G., Kalnæs T. K., Holm A. G. (2015) *Fighting an Evil Defined by the UK: A Critical Analysis of the Securitization of ISIL in the Discourse of the British Political Elite* (PhD Thesis), Roskilde: Roskilde University.
- Becker H. S. (1963) *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*, Glencoe: Free Press.
- Borell K. (2008) Terrorism and Everyday Life in Beirut 2005: Mental Reconstructions, Precautions and Normalization. *Acta Sociologica*, vol. 51, no 1, pp. 55–70.

- Hilgartner S., Bosk Ch. (2007) Rost i upadok social'nyh problem: koncepcija publicznyh aren [The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model]. *Sotsial'nye problemy: konstruksionistskoe prochtenie* [Social Problems: Constructionist Reading], Kazan: Kazan University Press, pp. 145–184.
- Holstein J. A., Gubrium J. F. (eds.) (2008) *Handbook of Constructionist Research*, New York: Guilford.
- Holstein J. A., Miller G. (eds.) (2003) *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*, Hawthorne: Aldine de Gruyter.
- Hülse R., Spencer A. (2008) The Metaphor of Terror: Terrorism Studies and the Constructivist Turn. *Security Dialogue*, vol. 39, no 6, pp. 571–592.
- Ibarra P. R., Adorjan M. (2017) Social Constructionism. *The Cambridge Handbook on Social Problems* (ed. J. Trevino), Cambridge: Cambridge University Press (in print).
- Ibarra P. R., Kitsuse J. I. (2007) Diskurs vydvizhenija utverzhdenij-trebovanij i prostorechnye resursy [Claims-Making Discourse and Vernacular Resources]. *Sotsial'nye problemy: konstruksionistskoe prochtenie* [Social Problems: Constructionist Reading], Kazan: Kazan University Press, pp. 55–114.
- Interfax (2015) Okolo 2,5 tys. rossijan vojujut na storone IGIL [About 2500 Russians Fight on the Side of ISIL]. Available at: <http://www.interfax-russia.ru/main.asp?id=662733> (accessed 12 January 2017).
- Interfax (2015) Okolo 900 zhitelej Dagestana vojujut v Sirii na storone IGIL — MVD [Ministry of Interior Affairs: About 900 Residents of Dagestan Fight in Syria on the Side of ISIL]. Available at: <http://www.interfax-russia.ru/South/news.asp?id=681763&sec=1671> (accessed 12 January 2017).
- Jackson R. (2005) *Writing the War on Terrorism: Language, Politics and Counter-Terrorism*, Manchester: Manchester University Press.
- Jenkins P. (2003) *Images of Terror: What We Can and Can't Know about Terrorism*, Hawthorne: Aldine de Gruyter.
- Johansen R. A. (2016) *Hezbollah's War on Terror: An Analysis of Discourse and Social Relations in the Lebanese Shia Community during the Syrian Conflict* (Master Thesis), Oslo: University of Oslo.
- Loseke D. R. (2003) *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives*, New Brunswick: Transaction.
- MacDonald M., Hunter D. (2013) Security, Population and Governmentality: UK Counter-Terrorism Discourse (2007–2011). *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*, vol. 7, no 1, pp. 123–140.
- Maratea R. (2008) The E-Rise and Fall of Social Problems: The Blogosphere as a Public Arena. *Social Problems*, vol. 55, no 1, pp. 139–159.
- Merton R. K., Nisbet R. (eds.) (1971) *Contemporary Social Problems*, New York: Harcourt, Brace and World.
- Meylakhs P. A. (2004) Diskurs pressy i press diskursa: konstruirovanie problemy narkotikov v peterburgskih SMI [The Discourse of the Press and the Press of the Discourse: Constructing of the Problem of Drugs in Saint-Petersburg Media]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 7, no 4, pp. 135–151.
- Miller L. (2003) Claims-Making from the Underside: Marginalization and Social Problems Analysis. *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems* (eds. J. Holstein, G. Miller), New York: Aldine de Gruyter, pp. 92–119.
- Pawluch D. (2010) Social'nye problemy s konstruksionistskoj tochki zrenija [Social Problems in Constructionist Terms]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 8, no 1, pp. 7–12.
- Putin V. (2017) Vstrecha s voennosluzhashhimi Severnogo flota [Meeting with Northern Fleet Service Members]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/53940> (accessed 24 April 2017).
- Siebert J., von Winterfeldt D., John R. S. (2015) Identifying and Structuring the Objectives of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) and Its Followers. *Decision Analysis*, vol. 13, no 1, pp. 26–50.
- Spector M., Kitsuse J. I. (1977) *Constructing Social Problems*, Menlo Park: Cummings.
- Stump J. L., Dixit P. (2012) Toward a Completely Constructivist Critical Terrorism Studies. *International Relations*, vol. 26, no 2, pp. 199–217.

- Yarlykapov A. (2016) "Islamskoe gosudarstvo" i Severnyj Kavkaz v blizhnevostochnoj perspektive: vyzovy i uroki dlja Rossii ["Islamic State" and the North Caucasus in the Middle East Perspective: Challenges to and Lessons for Russia]. *International Analytics*, no 3, pp. 112–121.
- Yasaveev I. (2016) Ritorika kontroliruemogo bedstviya: spetsifika konstruirovaniya FSKN problemy potrebleniya narkotikov [The Rhetoric of Controlled Calamity: The Constructing of Drug Use Problem by Russian Federal Drug Control Service]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 14, no 1, pp. 7–22.